

УДК 930.1

DOI: 10.17223/19988613/54/19

Н.В. Трубникова

ЗАЧЕМ ИСТОРИИ НУЖНА ТЕОРИЯ? «ЗЕРНА И ПЛЕВЕЛЫ» КОНЦЕПЦИЙ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ НА НИВЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Рассматриваются проблемы современной теории исторического познания, переживающей кризис эпистемологических основ, разделяемый, впрочем, всеми социальными науками. Множественность потенциального выбора языков описания лишь затрудняют поиск теоретического обоснования для историка. Автор выделяет в числе значимых трендов последнего времени тенденцию «нового онтологического поворота» социальных наук, в рамках которого определяется возможность обретения обобщающей непротиворечивой эпистемологии, создаваемой с помощью техники методологического брекетинга.

Ключевые слова: теория истории; историческая эпистемология; социальная теория; онтологический поворот; методологический брекетинг.

Теоретические рассуждения историков последних двух десятилетий порождают ассоциацию выжженной пустыни, в которой одни путники потеряли последнюю надежду на спасение, другие увлеклись бесплодными миражами, третьи пытались определить дорогу по звездам и сэкономили силы. Научные пессимисты с оттенком эсхатологического вдохновения постулировали «кризис истории», образовавшийся из-за мощного натиска разнонаправленной критики, которая обрушила все научные метанарративы социальных наук послевоенного времени. Оптимисты, которых, в действительности, было гораздо меньше, писали лишь о «перегреве» гуманитарного знания, полагая, что измельчение предметного поля, углубляющаяся специализация и автономизация дискурсов, потеря системообразующих методологических оснований являются лишь определенной «болезнью роста». В таком прогнозе сложившаяся ситуация обязательно закончится в какой-то момент становлением новой макротеории, которая сможет непротиворечиво объединить все разрозненные фрагменты в новое научное, но не догматическое мировоззрение. Наконец, большинство гуманитариев (включая, несомненно, и автора этой статьи), не чуждых обобщениям, встали на путь прагматичного наблюдения, описывая изгибы исследовательских путей авторитетных историографий и, в какой-то мере, отождествляя себя с ними.

Самое поверхностное приобщение к «белому шуму» гуманитарной научной периодики формирует смешанные представления о том, что рассматриваемая сфера почти одновременно переживает лингвистический, герменевтический, антропологический, пространственный, культурный, семиотический, антисемиотический, иконический, переводческий и еще несколько поворотов, каждый из которых, подкрепленный именами корифеев социальной теории, как правило, объявляется последним, и потому наиболее судьбоносным витком развития гуманитарных наук. Однако решающего парадигмального сдвига не происходит, и рефлексия о теоретических основах социального зна-

ния так и ограничивается рамками отдельных, часто конкурирующих методологий исследования.

В этом состоянии методологического плюрализма, казалось бы, не должно быть особой когнитивной сложности для познающего историческое разнообразие субъекта. Недаром известный французский эпистемолог Жан-Клод Пассерон призывает рассматривать историю (и все социальные науки, имеющие неустранимое историческое измерение) не как кумулятивное знание, но как сосуществование и преемственность многих «теоретических языков описания», в дискурсивном пространстве которых даже самые формализованные доказательства есть все равно акты интерпретации [1. Р. 94].

История, как известно, не имеет собственного теоретического языка, а лишь адаптирует под себя концепции смежных наук, в первую очередь – социологические теории [2]. Проблема состоит в том, что современные историки в подавляющем большинстве своем не пошли по пути выбора какого-то особенного языка описания. Приобщаясь (а чаще не приобщаясь) к теоретическим новациям, они довольствуются традиционным для социальных наук и обыденной жизни языком «естественного рассуждения», а свой методологический выбор обосновывают упоминанием видных теоретиков гуманитарного знания, по отношению к которым чувствуют некоторое идейное родство или руководствуются какими-то конъюнктурными соображениями. Речь здесь, конечно, идет не о высоко специализированных журналах вроде «History & Theory», создающих свой особенный, близкий философскому, дискурс. Большинство их авторов, обитающих в разреженной атмосфере абстрактной рефлексии о времени и бытии, как правило, перестали заниматься всякой исторической фактологией и очень далеки от будней «нормальной» (в куновском смысле слова) исторической науки.

Отечественное историографическое производство, сохранившее в своем научном обиходе необходимость обоснования теории и методологии исследования хотя бы на уровне квалификационных сочинений, имеет, к

сожалению, регрессивную тенденцию трансформировать этот раздел в сугубо ритуальное наименование, ничего не проясняющее в природе основного текста. По личному наблюдению, все большее количество диссертантов ограничивается лишь перечислением нескольких специальных методов исторического исследования. Иногда можно прочесть в успешно защищенной докторской диссертации, что базовым основанием проведенного исторического исследования является *принцип историзма*. Как если бы спортсмен международного класса признался, что основной техникой успеха для него является сама возможность... дыхания. Вероятно, какой-то элемент методологической культуры современным российским историком уже был безнадежно утрачен, если состоявшиеся доктора наук не дают себе труда понять, что искомый принцип лежит в основе исследования в любой отрасли знания, если оно претендует на качество научного, а значит, никоим образом не определяет дисциплинарной специфики.

Определенная часть современной корпорации историков фактически возвращается на позиции интуитивизма, полагая, что никакая формализация собственных теоретических оснований вовсе не нужна, а нужны лишь «основной инстинкт» историка и здравый смысл обыденного рассуждения вкупе со свободой творчества. Как тут не вспомнить и не воспроизвести цитату из хрестоматийного труда А.С. Лаппо-Данилевского, стоявшего у истоков создания методологии истории, который обстоятельно и обоснованно дискутировал с носителями подобных воззрений еще сто с лишним лет назад? «Возражая против значения такой дисциплины, историки-интуитивисты забывают, что предварительное знание принципов и приемов научно-исторического построения, черпаемое из методологии истории, имеет существенное значение для научно-исторической работы: лишь в том случае, если историк, стремящийся к исторической правде, опознал те принципы и методы, которыми ему приходится пользоваться в процессе работы, он может ясно поставить себе известную познавательную цель, придавать систематическое единство своему знанию исторической действительности, не смешивая разных понятий, и проводить свою работу систематически, путем исследования, постоянно контролируя его ход» [3. С. 14].

Наверное, в отрицании любой рефлексии о методологии исследования на фоне многообразных и часто деструктивных теоретических влияний проявляет себя некий охранительный механизм, позволяющий продолжать заниматься любимым делом – «воскрешать» прошлое – каким, как нам кажется, «оно было на самом деле». Однако желание сохранить «самость» профессии не должно приводить к деградации самих исследовательских практик до донаучного уровня, поскольку история все равно остается частью единой семьи социальных наук и не может игнорировать специфику их развития, диктуемую эволюцией интеллектуальных циклов современной жизни. Работа историка всегда

питается вопросами и концептуальными рамками, исходящими от современности, а не ее отрицанием. История – это одна из форм социального знания, обращенная к прошлому.

Эта мысль была очень близка основателю легендарных «Анналов», французскому историку Марку Блоку, рассуждавшему о связи времен, которая всегда имеет взаимозависимый и равновесный порядок: не зная прошлого, нельзя понять современность. Но все импульсы и интересы к изучению прошлого в той же мере приходят из настоящего и представлений о нем. Во время прогулки с Анри Пиренном по Стокгольму, вспоминает Марк Блок в «Апологии истории», они обсуждали, что же стоит посмотреть в этом городе в первую очередь. Пиренн предложил отправиться к новому зданию недавно отстроенной городской ратуши и, «как бы предупреждая мое удивление, добавил: “Будь я антикваром, я смотрел бы только старину. Но я историк. Поэтому я люблю жизнь”. ...Способность к восприятию живого – поистине главное качество историка... Думается, что великий математик будет не менее велик, если пройдет по миру, в котором он живет, с закрытыми глазами. Но эрудит, которому неинтересно смотреть вокруг себя на людей, на вещи и события, вероятно, заслуживает, чтобы его, как сказал Пиренн, назвали антикварным орудием. Ему лучше отказаться от звания историка» [4. С. 27–28].

Всецело доверяя логике самой жизни, стоит задаться вопросом: какой же арсенал новых средств может предложить современная социальная наука историку? Концептуальная критика, лавинообразно давившая на социальную историю (которая по негласному умолчанию профессиональной среды, в действительности, и является синонимом научной истории), на излете 2000-х гг., кажется, достигла своего естественного истощения. Это привело к оживлению в следующем десятилетии области аналитики, отвечающей за рефлексии о познавательных возможностях истории. Так, например, Херман Пауль определяет актуальную повестку исторической эпистемологии следующим образом. Первая ее часть имеет в основном «эмпирическую» природу, отвечая на вопрос, что же такое история? С точки зрения автора, здесь в фокусе интереса находятся сами историки и то отношение к прошлому, которое они формируют. Какие типы отношения к прошлому относятся к предметному полю теории истории? Какие явные и неявные цели преследуют все те люди, что имеют склонность и считают себя вправе заниматься историей? Как эти различные исторические повестки взаимодействуют друг с другом, имеют ли они равные основания или выстраиваются в некую иерархию, имеющую своих лидеров? Какая субординация целей, обращенных к прошлому, может быть выявлена на этом основании?

Какие средства используются историками (любого толка) для создания интерпретаций прошлого, какой экзистенциальный и познавательный опыт, нарратив-

ные шаблоны, модели и теории, способы аргументации они используют, пытаясь реализовать свои цели?

Вторая группа вопросов имеет, скорее, оценочную природу, откликаясь, прежде всего, на озабоченности «лингвистического поворота». Какого рода информацию продуцируют историки, формируя репрезентации прошлого, каковы, с точки зрения текстологии, вышеозначенные сюжетные формы, модели, системы аргументации, а что, напротив, вольно или невольно исключается, игнорируется и подавляется историками? Как эти способы обращения с прошлым соотносятся со стандартами результативности академической исторической науки? И как именно такие стандарты эффективного исторического исследования следует понимать? Что в категориях исторической науки означают критерии точности, полноты, последовательности, оригинальности, плодотворности и открытости? [5. Р. 455] Автор призывает анализировать репрезентации прошлого на пересечении историографии и философии истории, не ограничиваясь одними лишь рамками академической науки и вовлекая в рассмотрение всевозможные формы публичной и любительской истории [Ibid. Р. 457].

Следует заметить, что значительная часть современных теоретических рассуждений об истории, как и у Хермана Пауля, опирается на постструктуралистскую критику, воспринимающую историю как текст. Эта преобладающая в англоамериканской (а фактически, доминантой в эпоху главенства англоязычных наукометрических рейтингов) историографии традиция, по справедливому наблюдению А.А. Олейникова, «никогда не отличалась большим почтением к конвенциям, которых придерживаются профессиональные историки. Последние не любят сомневаться в объективности прошлого. В то время как первые не устают доказывать, что оно не столько воспроизводится, сколько *конструируется* в историографических текстах» [6].

Не отрицая важность языка и рефлексии о нем в истории, необходимо неустанно повторять, что для самого историка это лишь одна грань его профессии. Еще в середине 1970-х гг. Мишель де Серто, не чуждый «Анналам», системно исследовал процесс «историографической операции», выявив в нем три неразрывно связанных измерения, неразрушимая комбинация которых и дает постоянство историческому исследованию.

Первое «невывказанное» условие любого исторического произведения формирует социальная среда, продуктом которой оно и является. «“Научный” дискурс, который не говорит о своей связи с социальным “телом”, не знает, как образуется практика. Он перестает быть научным» [7. Р. 70]. Второе измерение исторического исследования – это специфические профессиональные методы и практики, начиная от поиска и классификации источников до их отбора и интерпретации в исследовании. И лишь третья ипостась исторического труда связана с проблемой культуры языка и создания текстов. При этом, предвосхищая будущую дискуссию,

автор предостерегает против абсолютизации лингвистического измерения истории. «В действительности, историческое письмо... остается контролируемой практикой, результатом которой оно и является; более того, оно само есть социальная практика» [7. Р. 103].

Современная историографическая и философская рефлексия о теоретических основаниях истории существует в разрозненном и разноречивом виде, не предлагая готовых рецептов, на основе которых мог бы сложиться некий «эпистемологический консенсус» или, тем более, готовый рецепт социального исследования, обращено ли оно к прошлому или настоящему. При всем том тенденция последних нескольких лет отражает любопытный дрейф социальной теории от разногласий дробных методологий, укоренных в опыте различных гуманитарных дисциплин, к поискам некой «интегральной парадигмы», которая смогла бы примирить идейную конфронтацию, создать единые понятийные рамки, помочь договориться о базовых смыслах и ценностях академического знания. Это поветрие уже получило свою идеологическую маркировку как «новая онтология», «новый онтологический поворот» (без обозначения новизны «онтологический поворот» обычно отсылает к изысканиям М. Хайдеггера, рассмотрение которых, при всей их значимости для становления именно данной традиции, не входит в задачи этой статьи), или «поворот к реальному» [8]. Стоит отметить, что ряд авторов предпочитают писать все же о «новых онтологиях», подчеркивая неполное совпадение позиций у сторонников этого теоретического русла [9].

На фоне обширного списка уже состоявшихся или только поименованных и вскоре забытых поворотов, «новый онтологический поворот» породил определенную амбицию создания обобщенного методологического базиса социальных наук, на основе которого могла бы сформироваться их новая академическая «валидность».

Роб Стоунс в статье «Невысказанные слабости социологии: вернуть эпистемологию» рассуждает о конструктивных познавательных перспективах для гуманитарных наук, исходящих от логики «онтологического поворота». Основой этого рассуждения является признание объективной и независимой природы социального мира, который существует, невзирая на любые интерпретации, создаваемые исследователями. Более того, изменяемое, «транзитивное» знание само является частью социального мира. «Именно комбинация этой ориентации на сложную независимую реальность вкупе с тщательной попыткой определить плодотворную исследовательскую повестку, сфокусированную на определенных частных аспектах этой реальности, является ключом к тому, чтобы размышление о релеванности знания выигрывало в любом случае» [10. Р. 733]. Автор предлагает «ретропродуктивный» способ построения методологии социального исследования: от общего к частному (когда вначале постулируются теоретические рамки, а затем под них подбирается эмпирический

материал), разделенный на три этапа и подвергающийся самой строгой рефлексии со стороны исследователя.

1. «Реалистическая» эпистемологическая рамка дает исследователю средства описания и объяснения социальных феноменов: самих объектов исследования, а также причинно-следственных взаимодействий, в которые вовлечены рассматриваемые объекты. Остается большая свобода в выборе характеристик механизмов, отношений и процессов социального мира, наиболее адекватных выбранному объекту исследования.

2. Внутри выбранной и тщательно отрефлексированной методологии определяются релевантные онтологические измерения описания и объяснения менее высокого уровня. Движущие «механизмы» погружаются в различные целостности, локализованные отношения и процессы, среди которых выбираются именно те, которые наиболее точно схватывают смыслообразующие характеристики различных механизмов. Выделяются онтологические категории, наиболее соответствующие характеру рассматриваемого процесса, из которых создается целое полотно онтологических понятий, наиболее адекватно фокусирующих выбранный объект исследования. Тот же процесс повторяется в отношении других механизмов, а потом – в отношении взаимодействия этих механизмов, формирующих социальное целое более высокого по уровню обобщения порядка.

3. Третий этап исследования должен определить статус и адекватность используемого эмпирического материала внутри создаваемой концептуальной методологии и установленных ранее основополагающих механизмов исследуемого объекта. Должна быть произведена верификация или, как пишет автор, «посадка» используемых понятий, привлекаемых для специфического описания и объяснения в конкретном месте и времени, на эмпирический материал, насыщающий конкретно-исторические формы, схваченные этими понятиями в каждом отдельном случае. Эмпирический материал может, со своей стороны, вынудить исследователя производить коррективы созданной понятийной и концептуальной канвы. Только когда предварительно созданные описательные или объяснительные цели подходят к форме и динамике подходящих понятий и подкрепляются любого типа эмпирическими доказательствами, исследование может быть признано состоявшимся.

Принципиально значимым выводом статьи Р. Стоунса является даже не построение вполне очевидного ретродуктивного перехода от макроуровня абстрактных понятий к микроуровню конкретно-исторической ситуации. Самым интересным здесь является концептуализация онтологии и использования в целях исследования большей части (если не всего) разнородного опыта развития социальных наук. Автор призывает создавать в социальном исследовании гибридные смеси абстрактных и прикладных онтологических понятий, пришедших из различных научных традиций, которые

определены как наиболее соответствующие рассматриваемой реальности, практикуя «широко информированный» реализм. «Новая эпистемология должна настаивать... на размышлении через отношения между этими гибридными формами социальной онтологии (комбинируя очень абстрактные и более субстантивные понятия)... и сугубо специфичные эмпирические черты реального мира» [10. Р. 733–735].

Методологический фокус конструируется таким образом, чтобы предварительно создавать гибридную онтологическую концептуализацию, «внося в скобки» проводимого исследования категории и свойства, которые наилучшим образом подходят изучаемому объекту. Этот отнюдь не новый процесс «методологического скобирования» (брекетинга), предполагающий заимствование понятий и техник из различных теоретических контекстов в целях обобщения эмпирических результатов, был представлен и обоснован еще в теории структуризации одного из наиболее значимых социологов современности Энтони Гидденса на рубеже 1970–1980-х гг. [11. Р. 288]. Снимая «обязательность» бинарных противоречий, устоявшихся в интеллектуальной культуре Запада, противостояния различных школ и методологий, этот подход утверждает множество потенциальных форм концептуального сотрудничества, эффективность которого зависит от способности исследователя правильно соотносить его типы с определенными исследовательскими целями и задачами. «В идеале... исследователи смогут читать широко через теоретические традиции и будут готовы идентифицировать релевантные аспекты теории, даже если они были созданы в других контекстах и эпохах» [10. Р. 738].

Идея «методологического брекетинга» за истекшие десятилетия получила развитие в широком полидисциплинарном поле. Однако слишком часто его использование было сугубо метафорической отсылкой к авторитету, превращаясь в некий «черный ящик» с неизведанным содержимым. Откликаясь на проблему практической операционализации этого понятия в академическом исследовании «качественных характеристик» социального мира, Роберт Эдвард Гириг еще в 2004 г. классифицировал способы методологического скобирования, показав, каким именно образом различные подходы, принятые в гуманитарных науках, могут присваивать и сочетать различные теоретические элементы в практических целях исследования. Автор выделяет шесть основных форм, каждая из которых сохраняет (в разной степени) и методологическую строгость, и адаптивную способность брекетинга приспособляться к требованиям различных видов качественного исследования [12].

Определение типа методологического скобирования, выделяемого внутри общего исследования, подчиняется своего рода протоколу действий внутри общего научного проекта и должно начинаться с выявления эпистемологических оснований и общей теоретической рамки, к которым тяготеет сам исследователь. Далее

определяется характер «исследовательского праксиса»: объект исследования, внутренние исследовательские предпочтения, завязанные на опыте и социокультурных основаниях ученого (в большинстве случаев осознанно исключаемых из процесса исследования), а также предпосылки и история изучения исследуемого объекта. Потом выявляется темпоральная структура – начало брекетинга, его продолжительность во времени (по отношению к эмпирическому материалу и ходу самого исследования) и окончание. Далее выстраивается композиция границ скобирования, которая предполагает особое внимание к трем взаимосвязанным ракурсам. «Идеальный» аспект брекетинга рассчитан на соблюдение максимальной строгости методологии. «Естественный» аспект принимает как необходимое допущение специфику мышления самого исследователя. Наконец, аспект «сконструированный» включает в себя определение сознательно создаваемой структуры специфических элементов изучаемого объекта. На последнем этапе полученные результаты скобирования должны быть возвращены (реинтегрированы) в общее исследование на основе их соотношения (верификации) с эмпирическими данными [12. Р. 1435].

В зависимости от того, какой именно выбор совершает исследователь, проходя все этапы исследовательского протокола, Р.Э. Гиринг выделяет шесть типов методологического брекетинга, рассматриваемых с точки зрения приведенных выше методологических оснований и критериев. Первый – идеальный, или философский тип брекетинга, согласно автору, является архетипическим и почти недостижимым для целей социального исследования в силу своей умозрительности, но может быть отправной точкой как для философов феноменологического направления, так и для исследователей-практиков в качестве базовой модели [Ibid. Р. 1436–1439].

Второй тип брекетинга, описательный или «эйдети-ческий», имеет вариативное эпистемологическое основание, от постпозитивизма до релятивизма, тяготеет к методологии дескриптивной феноменологии и подходит для описания специфических локальных объектов с последующей эмпирической верификацией [Ibid. Р. 1439–1441].

Третий тип экзистенциального брекетинга, вдохновляющий, как и следует из наименования, оставить в стороне все предубеждения и клише, созданные в рамках теорий, и целиком погрузиться в пространство конкретного прожитого опыта, наполняющего изучаемый объект [Ibid. Р. 1440–1443].

Четвертый тип аналитического брекетинга позволяет выйти за рамки феноменологической традиции и привлечь в целях исследования опыт иных направлений гуманитарной мысли, в том числе – этнографии и «обоснованных теорий» (grounded theories). Базовой эпистемологической ориентацией здесь является эмпиризм в сочетании с релятивизмом или социальным конструктивизмом. Исследовательская практика преследу-

ет целью понять базовые характеристики и движущие механизмы социальной жизни, отдавая должное неустранимой проблеме взаимоотношения реальности и ее репрезентации. Именно здесь совершается «челночное» уточняющее взаимодействие между уровнем абстрактных гипотез и фактическими данными, между микроуровнем тесной социальной ячейки и более обобщенным социокультурным контекстом [12. Р. 1442–1444].

Пятый тип методологического скобирования автор именует «рефлексивным» или «культурным». Он практикуется исследователями, которые придерживаются широкого спектра эпистемологических основ, от социального конструктивизма до постмодернизма. В этом типе брекетинга для исследователя первичными является рефлексия над его собственными методологическими основаниями и представлениями о предмете, которые он подтверждает, уточняет или опровергает в процессе исследования. Соответственно, предмет исследования не локализуется по отношению к более масштабным объектам, напротив, наделяется чертами культурного общего. Смыслом такого скобирования является выявление субъективных особенностей и предубеждений самого исследователя с тем, чтобы минимизировать их проявление на уровне «большого» исследования после реинтеграции в него результатов брекетинга [Ibid. Р. 1444–1446].

Последним из появившихся форм методологического скобирования Р.Э. Гиринг называет «прагматический» тип, объединяющий значительный пласт разнородных исследований, авторы которых утверждают, что используют рассматриваемую технику, однако не демонстрируют сколько-нибудь выраженной текстуры ее использования. И потому все элементы обозначенного выше протокола действий, осуществляемых в процессе брекетинга, варьируются у таких авторов довольно широко [Ibid. Р. 1445–1447].

Таким образом, социальная теория после «нового онтологического поворота», признавшего абсолют непреходящей (интранзитивной) реальности по сравнению с любыми способами ее интерпретации, становится даже не междисциплинарной, а гибридной, если иметь в виду способность непротиворечиво сочетать понятия и подходы, относящиеся к различным, вплоть до взаимоисключающих, методологиям исследования. Осуществление такого научного проекта представляет собой возвратно-поступательное движение от логически обоснованной концептуальной (гибридной) методологии к технологиям работы с эмпирическими данными, которые неизбежно вынуждают периодически возвращаться к методологическому фокусу и перерабатывать его под давлением новых данных.

Современное знание станет компаративным по определению, если научится быть в достаточной мере компетентным, чтобы подбирать подходящую эпистемологическую рамку и уверенно пользоваться созданными запасами существующих понятий, множества

оттенков и разного уровня, – онтологических, субстантивных или гибридных, при этом сохраняя чувствительность к эмпирическому контексту и способность к диалогу с документальной базой [10. P. 740].

Современные теоретики социального знания, внимательные к теме «онтологического поворота», наделяют особым значением изучение исследовательского контекста, влияющего на содержание исследования: социального и институционального позиционирования самого познающего субъекта, накопленного им капитала знаний и ценностей. Современный исследователь должен обладать культурой *рефлексивности*, чтобы соблюдать, с одной стороны, определенный протокол открытости и погруженности в отношении собственных «деонтологических оснований», т.е. субъективных ценностей, формирующих основы его научной и практической деятельности, и, с другой стороны, отслеживать «эпистемическую небезопасность» социального знания, обнажая априорные базовые допущения, лежащие в основе теоретического конструирования и не

выдерживающие процедуры эмпирической верификации [13. P. 126–129].

В свете вышенаписанного, смогут ли историки воспользоваться последними достижениями социальной теории, стремящейся объять необъятное разнообразие методологий гуманитарного познания в неких гибридных проектах, «читать широко» сквозь научные традиции и производить «теоретически информированные» исследования прошлого? И стоит ли им этим заниматься? Продуктивным ответом на этот вопрос было бы создание междисциплинарных коллабораций, в рамках которых представители смежных научных – и не только исторических – специальностей, теоретики и практики, смогут вступить на путь методологического поиска, сочетаемого с традиционными исследовательскими практиками «ремесла историка».

Историческая наука, отойдя от сложившейся практики пересказа и ритуального цитирования чужих идейных манифестов, слабо соотнесенных с собственными исследованиями, несомненно, только выиграет от таких изысканий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Passeron J.-C. La constitution des sciences sociales. Unité, fédération, confédération // *Le Débat*. 1996. № 90. P. 93–112.
2. Трубникова Н.В. Транзитные перекрестки французской науки: дрейф понятий от социологии к истории // *Вестник Томского государственного университета*. 2007. № 294. С. 170–174.
3. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. 1-е изд. М.: Территория будущего, 2006. 622 с. СПб., 1910–1913.
4. Блок М. Апология истории. М.: Наука, 1973. 232 с.
5. Paul H. Relations to the past: a research agenda for historical theorists // *Rethinking History*. 2015. Vol. 19, № 3. P. 450–458.
6. Олейников А. Стоит ли «практиковать» прошлое? (Рец. на кн.: White H. *The Practical Past*. Evanston, IL, 2014; Paul H. *Key Issues in Historical Theory*. L., 2015) // *Новое литературное обозрение*. 2017. № 1 (143). URL: <http://nlobooks.ru/node/8266> (дата обращения: 23.04.2018).
7. de Certeau M. *L'écriture de l'histoire*. Paris: Gallimard, 1975.
8. Pickering A. The ontological turn taking different world seriously // *Social Analysis*. 2017. Vol. 2 (61). P. 134–150.
9. Jensen C.B., Ballesterio A., de la Cadena M., Fisch M., Ishii M. New ontologies? Reflections on some recent “turns” in STS, anthropology and philosophy // *Social anthropology*. 2017. Vol. 4. P. 525–545.
10. Stones R. Sociology’s unspoken weakness: Bringing epistemology back in // *Journal of Sociology*. 2017. Vol. 53 (4). P. 730–752.
11. Giddens A. *Constitution of society*. Cambridge: Polity, 1984.
12. Gearing R.E. Bracketing in Research: A Typology // *Qualitative health research*. 2004. Vol. 14, № 10. P. 1429–1452.
13. Bouzani Ch. For reflexivity as an epistemic criterion of ontological coherence and virtuous social theorizing // *History of the Human Sciences*. 2017. Vol. 30 (5). P. 125–146.

Trubnikova Natalia V. Tomsk State Polytechnic University (Tomsk, Russia). E-mail: troub@mail.ru

WHY HISTORY NEEDS A THEORY? "GRAIN AND TARES" SOCIAL KNOWLEDGE CONCEPTS IN THE VINEYARDS OF HISTORICAL RESEARCH

Keywords: theory of history; historical epistemology; social theory; ontological turn; methodological bracketing.

The article deals with the theoretical problems of the historical scholarship which has a crisis of epistemological foundations to share with other social sciences. The multiplicity of the description languages is so potentially vast that historians are impeded to find a theoretical basis for their research. Most often they are satisfied with the language of “natural reasoning”, traditional for the social sciences and everyday life, and their methodological choice is justified by only mentioning prominent theorists of humanitarian knowledge.

At the same time, most of the theoretical reasoning about history are devoted to criticizing its narrative nature and are not aimed at finding unifying criteria that could strengthen the scientific validity of academic studies treating the past.

Thus, modern historiographical and philosophical reflection on the theoretical foundations of history exists in the form of disjointed and contradictory manifestations. It does not offer ready-made recipes on the basis of which an “epistemological consensus” could emerge. For all that, the tendency of the last few years reflects the notable drift of social theory towards the search for some kind of “integral paradigm”, localized within the framework of the “new ontological turn”. The basis of this reasoning is the recognition of the objective and independent (intransitive) nature of the social world, which exists despite any intercurrent (transitive) interpretations created by researchers.

Supporters of this ideological mainstream suggest the conceptualization of ontology and the implementation, with a view to research, of most (if not all) of the diverse experience approved itself in social sciences, advocating for the broad utility of the “methodological bracketing” technology designed back by A. Giddens in his theory of structuration. The focus of the research here is constructed in such a way as to pre-create a hybrid ontological conceptualization, “putting in brackets” categories and internal, peculiar to the research, that are best according to the object under study.

The researcher can create in such a manner hybrid mixtures of abstract and distinctive ontological concepts that come from various scientific traditions that were identified as most relevant to the fragment of reality under consideration, practicing a “widely informed” realism. The humanities already have extensive experience in the classification and practical application of methodological bracketing, the technology of which, as far as we know, has not been applied in the historical research.

The prolific development of this initiative will be the creation of interdisciplinary collaborations, within which historians, with the assistance of related research spheres partners could enter the path of methodological search, combined with their traditional research practices.

REFERENCES

1. Passeron, J.-C. (1996) La constitution des sciences sociales. Unité, fédération, confederation [The constitution of the social sciences. Unity, federation, confederation]. *Le Débat*. 90. pp. 93–112. DOI: 10.3917/deba.090.0093
2. Trubnikova, N.V. (2007) Tranzitnyye perekrestki frantsuzskoy nauki: dreyf ponyatiy ot sotsiologii k istorii []. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 294. pp. 170–174.
3. Lappo-Danilevskiy, A.S. (2006) *Metodologiya istorii* [Methodology of History]. Moscow: Territoriya budushchego.
4. Blok, M. (1973) *Apologiya istorii* [Apology of History]. Moscow: Nauka.
5. Paul, H. (2015) Relations to the past: a research agenda for historical theorists. *Rethinking History*. 19(3). pp. 450–458. DOI: 10.1080/13642529.2014.927615
6. Oleynikov, A. (2017) Stoit li “praktikovat” proshloye? (Rets. na kn.: White H. The Practical Past. Evanston, IL, 2014; Paul H. Key Issues in Historical Theory. L., 2015) [Is it worthwhile to “practice” the past? (Review: White H. The Practical Past, Evanston, IL, 2014; Paul H. Key Issues in Historical Theory, L., 2015)]. *Novoye literaturnoye obozreniye*. 1(143). [Online] Available from: <http://nlobooks.ru/node/8266> ot 23.04.2018.
7. Certeau, M. de (1975) *L'écriture de l'histoire* [The writing of history]. Paris: Gallimard.
8. Pickering, A. (2017) The ontological turn taking different world seriously. *Social Analysis*. 2(61). pp. 134–150. DOI: 10.3167/sa.2017.610209
9. Jensen, C.B., Ballesterio, A., de la Cadena, M., Fisch, M. & Ishii, M. (2017) New ontologies? Reflections on some recent “turns” in STS, anthropology and philosophy. *Social Anthropology*. 4. pp. 525–545. DOI: 10.1111/1469-8676.12449
10. Stones, R. (2017) Sociology’s unspoken weakness: Bringing epistemology back in. *Journal of Sociology*. 53(4). pp. 730–752. DOI: 10.1177/1440783317744447
11. Giddens, A. (1984) *Constitution of Society*. Cambridge: Polity.
12. Gearing, R.E. (2004) Bracketing in Research: A Typology. *Qualitative Health Research*. 14(10). pp. 1429–1452. DOI: 10.1177/1049732304270394
13. Bouzanis, Ch. (2017) For reflexivity as an epistemic criterion of ontological coherence and virtuous social theorizing. *History of the Human Sciences*. 30(5). pp. 125–146. DOI: 10.1177/0952695117724660